

Эд Данилюк

Трезуб-империал

Роман

Любое совпадение персонажей с реальными лицами является случайным. Трактовка исторических событий, а также физических явлений и концепций может не совпадать с общепринятой. Поступки и высказывания персонажей соответствуют их эпохе и образам, и не всегда отражают точку зрения автора.

© Эд Данилюк, 2013

Понедельник, 20 сентября 1982 г.

Луцк, отделение судебно-медицинской экспертизы, 09:25.

Вокруг царила привычная холодная чистота.

В центре тонущего в полумраке зала возвышались три стальных стола. На двух из них угадывались под казенными простынями неподвижные человеческие тела. Они освещались огромными бестеневыми лампами, какие бывают в операционных.

В зале пахло формалином, медицинским спиртом, химическими моющими средствами, сыростью и еще чем-то неуловимым.

— Будешь писать?

— Да, так быстрее.

Двое мужчин обменялись взглядами. Они были в одинаковых серых, покрытых застиранными пятнами халатах, бесформенных шапочках и резиновых сапогах.

— Давай суть дела.

Один подошел к столу у стены, степенно, не торопясь, сел, так же без излишней суеты открыл верхнюю папку и стал читать про себя. Второй тем временем надел фартук — огромный, резиновый, такой, как у мясников на рынке.

— Эй, помощь будет какая-нибудь? — крикнул он, повернувшись к входной двери.

— Иду! — послышался из коридора приглушенный голос.

— Идет он! — пробурчал сидевший за столом. — Опять всю черновую работу делают дипломированные патологоанатомы, а эти только баклуши бьют...

Разгладив фартук ладонями, второй снял ткань с одного из трупов. Несколько секунд смотрел на лежащее перед ним тело. Потом скомкал простыню и бросил ее под приставной столик.

— Ножевое, — сказал он.

Мужчина за столом молча кивнул, все еще погруженный в чтение.

Патологоанатомический зал располагался в полуподвале, и окна находились практически на уровне земли. Через немытые стекла было видно, как у самой стены ветер играет цветами на близлежащей клумбе.

— Значит так, — наконец, заговорил сидящий, — Орест Петрович Рева, мужчина, шестьдесят один год, пенсионер. Проживал в частном секторе, в собственном одноэтажном доме в городе Володимир. Вдовец. Единственный ребенок — взрослая дочь, живет в Днепропетровске...

— Зачем нам все это? — безразлично отозвался человек в фартуке. — Давай ближе к делу.

Коллега взглянул на него и перевернул страницу.

— Найден соседкой вчера в семнадцать часов десять минут. Эта же соседка, вероятно, последней видела его живым. По ее словам, около четырнадцати часов Рева вышел из дома и направился по улице в сторону ближайшей автобусной остановки...

— Время смерти можно установить и без нас.

— Можно, — согласился читающий. — Так... Труп нашли в положении полусидя, прислоненным спиной к стене в дальнем конце веранды, у двери, ведущей в комнаты. Глаза закрыты. В грудной клетке, спереди, несколько левее грудины — отверстие, в которое было воткнуто лезвие прилаемого ножа. Вокруг виднелись обильные потеки красно-бурого цвета. Переломов не обнаружили. Повреждений рук или ног тоже. Трупное окоченение выражено в шейной и грудной группах мышц. Это на момент осмотра... Патологоанатом остановился и взглянул на первую страницу протокола. — А осмотр производился в девятнадцать пятнадцать...

— Понятно...

— Как знаешь, — читавший пожал плечами. — Там, где их и следовало ожидать у трупа, находящегося в положении полусидя, зафиксированы трупные пятна. Они бледнели при надавливании с восстановлением окраски через пятнадцать-двадцать секунд. Температура в помещении в момент осмотра — двадцать один градус...

— Ну, понятно, понятно, — нетерпеливо повторил второй. — Все?

— Все. Писать, или будем ждать санитаров?

— Их дождешься, — беззлобно проворчал мужчина в фартуке. — Давай начинать, а то так до ночи просидим. Список одежды есть?

— Да, протокол уже начат. Хоть это они сделали.

Патологоанатом кивнул, вытащил из кармана халата очки и водрузил их на нос. Потом склонился над трупом и, будто приносясь, стал осматривать кожу, сверху вниз, от лица до пальцев ног.

— Ну что, пиши... — сказал он, наконец. — Труп мужского пола, правильного телосложения, умеренного питания, длина тела... — Он взял со стола швейную сантиметровую ленту и произвел замер, — ...сто семьдесят два сантиметра. На вид шестьдесят — шестьдесят пять лет. Кожные покровы вне трупных пятен серовато-желтого цвета, холодные на ощупь. Трупные пятна в области затылка... — Он произносил стандартные фразы равнодушно, быстро, не вдумываясь. — ...При надавливании пальцем трупные пятна не бледнеют. Окоченение практически отсутствует во всех группах мышц. Голова овальной формы, волосы на голове седые, длина волос в области лба — до двух сантиметров. Лицо бледное, веки не опеченные. Глазные яблоки упругие, наблюдается незначительный энофтальм, зрачки...

В зал бесшумно вошел санитар. Одет он был так же, как и патологоанатомы, разве что без шапочки, и его темные волосы, сбившиеся клоками, торчали во все стороны. Вид у санитара был сонный.

— Что делать? — спросил он извиняющимся тоном.

— Теперь уж жди, — мужчина за столом, оторвавшись от протокола, взглянул на пришедшего и укоризненно покачал головой.

Тот развел руками.

— ...На коже шеи повреждений нет, — продолжал тем временем патологоанатом. — Грудная клетка цилиндрической формы, живот выше уровня реберных дуг. В области присоединения девятого и десятого ребер к груди слева видна рана длиной около трех сантиметров... — Он взял тонкую металлическую линейку, даже не линейку, а скорее стержень с насечками, и протолкнул его в рану. — ...и глубиной двенадцать сантиметров, идущая сверху вниз справа налево... Кожные покровы вокруг раны в сухом налете красноватого цвета... — Врач перегнулся через тело, поднял одну за другой обе руки умершего и осмотрел их от подмышечных впадин до кончиков пальцев. Потом не менее тщательно оглядел ноги. — Ногти синюшные, чистые. На правом бедре спереди в трех и одиннадцати сантиметрах от верхнего края коленной чашечки видны два старых рубца. Проксимальный рубец имеет длину три и ширину один сантиметр. Дистальный, соответственно, четыре и один сантиметр. Рубцы белесые, без видимой патологии.

— С войны остались? — предположил писавший протокол. — Пулевые ранения?

— Похоже на то, — кивнул мужчина в фартуке.

Тут его взгляд остановился на стопе трупа. Некоторое время врач просто смотрел на ее подъем. Потом склонился над ногой, почти уткнувшись в нее носом.

— А это что еще такое?

— Что? — вскинулся писавший протокол.

— Погляди...

Мгновение спустя уже два патологоанатома неподвижно стояли над убитым. Санитар вытянул шею, пытаясь разглядеть, что их так заинтересовало.

— Может, какой-то врожденный дефект?

— Не смейся меня! Выглядит, как отпечаток. Будто что-то давило на кожу, а потом, при прекращении кровообращения...

На стопе виднелось круглое белое пятно.

— Да, похоже на отпечаток какого-то предмета, — согласился его коллега, выпрямился и обернулся к санитару. — Ты его раздевал?

— Да, — неуверенно ответил тот.

— Что-то в одежде было?

— Нет, — санитар покачал головой. — Милиция все изъела при первичном осмотре.

— Что-то в обуви? — настаивал патологоанатом.

— Да ничего не было! — решительно отрубил парень.

— Знаешь что, носи сюда его одежду!..

За окном кто-то подошел к клумбе и принялся рвать цветы. Вороны с дерева неподалеку подняли ор. Санитар стрельнул глазами в окно и ушел.

— Может, что-то под кожей?

— Надо бы это сфотографировать...

Вернулся санитар с ворохом одежды.

— Обуви не было, — предупредил он с порога. — Прямо в носках привезли.

— Вот носки и нужны.

Один из патологоанатомов стал рыться в вещах. Вскоре вытащил из груды два толстых шерстяных носка, явно ручной вязки.

— Что-то есть, — сообщил он удивленно, ощупывая их.

Затем вывернул носок, и оттуда вывалился сияющий желтый кружок. Отбрасывая множество ярких бликов на стены и потолок, он с громким звоном поскакал по поверхности приставного столика. Патологоанатом перехватил его. Внимательно осмотрел и отдал коллеге.

В полной тишине они переглянулись.

— Труп под утро привезли, — оправдывался санитар. — Я очумевший был, хотел...

Не слушая его, врачи смотрели друг на друга. Будто подумав об одном и том же, они одновременно покосились на санитару и тут же отвели взгляд.

— Тащи фотоаппарат, — спокойно распорядился писавший.

Санитар ушел. Мужчины молча ждали, пока он исчезнет в черноте коридора.

— Золото, — почти беззвучно произнес один. — На полтысячи потянет. Или на всю тысячу.

Воцарилась тишина. Часы на стене громко отсчитывали секунды.

— Если и не наступит, — заметил его коллега, — то где-нибудь проговорится...

Патологоанатом в фартуке покосился в сторону коридора.

— Наступит, — еле слышно сказал он. — Ты же знаешь, куда он докладывать бегаёт. А тут такой шанс выслужиться!

Второй кивнул.

— Да и национализмом пахнет. Убитый, похоже, хорошо вляпался. Без КГБ не обойдется. А Комитет будет копать, как следует, без дураков...

Они рассматривали монету — странную, немислимую, невероятную при всей ее кажущейся обычности. Она могла бы быть из иных времен, если бы — вне всяких сомнений — не являлась современной. Она могла бы прийти из каких-то далей, если бы не выглядела явно местной. Таинственная и непонятная, она вызывала у патологоанатомов ощущение тревоги и беспокойства, будто скрывала в себе опасность...

Из задумчивости врачей вывели шаги в коридоре.

— Интересный эффект на микроциркуляцию, — громко проговорил один.

В зале появился санитар. Он принес обычную «Смену 8М», правда, с фотовспышкой.

— Думаю, надо будет выступить с сообщением на Обществе, — продолжал врач.

Второй поправил фартук.

— Давай оформлять, — И, повернувшись к санитару, добавил: — Отними все. Потом сразу позвонишь в прокуратуру.

В полном молчании каждый вернулся на свое место.

— На коже левой стопы сверху, приблизительно на середине плюсны, — стал громко и уверенно диктовать мужчина, проводивший осмотр, — видно белое пятно правильной округлой формы диаметром... так... — Он произвел замер все той же гибкой швейной лентой.

— ...три сантиметра. Пятно, скорее всего, соответствует найденной в носке убитого монете...

— Может, ее отдельным протоколом?

Патологоанатом задумался на мгновение.

— Да, так будет лучше. Только ссылку на этот сделай.

Зал осветила чередой фотовспышек. При каждом всполохе по лицу убитого пробегали черные тени, и казалось, что труп злобно кривится.

Потом санитар подошел к столу и сфотографировал монету по нескольку раз с обеих сторон и еще раз — с торца.

— Звони, не откладывай, звони, — поторопил его один из врачей.

Санитар пожал плечами и направился к двери — рядом с ней на стене висел телефон.

— При осмотре трупа в носке, надетом на левую ногу, обнаружена монета желтого металла диаметром три сантиметра и весом... — Патологоанатом бросил ее на весы и долго всматривался в показания шкалы.

— Особой точности у нас не получишь... — подбодрил его второй.

— Тогда пиши: «...около тридцати граммов».

— Тяжелая! Тридцать граммов золота! Подумать только!

Первый оглянулся на дверь и продолжил диктовать:

— Качеством работы и общим видом монета напоминает советский юбилейный рубль. На одной из ее сторон на фоне православного собора — профиль безбородого мужчины с длинными отвислыми усами. Вокруг него надпись: «Божою милістю Його Величність король Максим III¹». Портрет также окружают дубовые листья. С обратной стороны — крупное изображение трезуба украинских буржуазных националистов. Под ним — число «десять» и ниже — стилизованная надпись славянским шрифтом «Десять гривень». Над трезубом... — Патологоанатом запнулся. То, что было написано над трезубом, смущало его больше всего. Врача вновь охватило ощущение нереальности происходящего. Он посмотрел на своего коллегу, прокашлялся, чтобы прочистить горло, и договорил: — ...Над трезубом надпись: «800 років династії Романовичів, Мала Русь-Україна², 1970».

Володимир, дом Рєвы, 13:20.

— Ничего себе, как вы быстро на наш звонок отреагировали! — удивился милиционер. — Я когда увидел, что следователь прокуратуры кого-то привез, даже подумать не мог, что это уже областной КГБ нагрязнул! Хотя, понятно, наша находка того стоит...

Воцарилось неловкое молчание. Его собеседник понятия не имел, о чем говорит этот молодящийся человек с усталыми глазами, традиционными волынскими усами и копной черных волос.

— Покажите мне место преступления, — наконец, сказал капитан госбезопасности, и милиционер, покладисто кивнув, повел его внутрь дома.

¹ Божьей милостью Его Величество король Максим III (укр.).

² 800 лет династии Романовичей, Малая Русь-Украина (укр.).

Кухня производила ужасающее впечатление. Пол был усеян осколками посуды, выброшенными из шкафов продуктами, сметенными с полок кастрюлями и сковородками. Холодильник лежал на боку, погребенный под останками кухонного пенала, в котором некогда хранились запасы муки и круп. Теперь эти запасы густым слоем покрывали все вокруг.

— Здесь только тайник. Его обнаружили преступники. Самое интересное — в библиотеке...

В стене, которую ранее закрывал пенал, зияло аккуратное прямоугольное отверстие высотой чуть больше обычной книги.

— Хозяин вырезал часть задней стенки шкафа... — рассказывал лейтенант. Он, должно быть, валился с ног после бессонной ночи, проведенной на месте убийства, но это хорошо скрывали его бодрый голос и живое выражение лица. — Сварганил что-то вроде маленькой дверцы. Через нее можно было подобраться к выемке в стене. Сбоку приставил холодильник, поэтому заглянуть за шкаф, даже случайно, было нереально. Но когда преступники принялись громить кухню и валить все на пол, тут же наткнулись на это отверстие. Если убрать шкаф, дырку не заметить просто невозможно...

Сквира смотрел на тайник, но ничего не видел. В голове его крутилась фраза, брошенная милиционером... Звонок? Какой звонок? Разве из местного райотдела кто-то звонил? И что за находка? Они что же, еще что-то нашли?

Ему, конечно, стоило сразу уточнить, о чем идет речь, но он промедлил, а теперь с каждой секундой ситуация становилась все более неловкой. Сквира уже ясно понимал: еще чуть-чуть — и он не сможет признаться в своем неведении. Правда, рано или поздно оно неизбежно обнаружится, и тогда будет во сто крат хуже... И все же капитан молчал.

Более того, Сквира не запомнил, как зовут милиционера. И опять-таки, правильнее всего было бы прямо сейчас переспросить, но и этого он не делал...

Сам приезжий назвался Северином Мирославовичем, и милиционер посмотрел на него с сомнением — он выглядел лет на десять младше лейтенанта. Какой там Северин Мирославович! Но так уж Сквира привык...

Поскальзываясь на осколках посуды, он неуклюже перебрался через холодильник и заглянул в дыру в стене. Темно.

— Туда три нумизматических альбома помещаются, — доложил лейтенант. — Когда мы пришли, там было, как у меня в кошельке — пусто.

Сквира хмыкнул. Просунул в дыру руку — голые стенки. Ни конвертика, прикрепленного к потолку, ни двойного дна, ни дополнительных карманов по бокам.

Под порывами ветра за окном качалась ветка дерева. В такт ее движениям поскрипывала открытая форточка. Однообразный звук раздражал, и Сквира, выпрямившись, осторожно переступил через разорванный куль с мукой и захлопнул ее. Стало тихо.

— Столько продуктов валяется, — пробормотал он, отряхивая штанину от белых пятен. — Наследникам убирать и убирать... — Капитан полез обратно через холодильник. — Кстати, а кто наследники?

— Жена убитого умерла лет пять назад, — отвлекшись на какие-то свои мысли, несколько рассеянно ответил милиционер. — Дочь давно переехала в Днепропетровск. Теперь в Володимир не вернется. Продаст, видать, хату. А хата хорошая, крепкая... — Он помолчал, покачал головой. — Подумать только! Еще в два часа дня соседка с Ревой, жертвой, лясы точила... Тот куда-то шел с цветами. Сверток в руках нес...

В этот момент раздался громкий стук в окно. Сквиря вздрогнул и обернулся. Около закрытой форточкой кружил грузный шмель. Ему что-то понадобилось в доме, видно, что-то важное, и он сердито жужжал, выискивая щель, в которую можно было бы протиснуться.

— Очень странное время убийства — днем, в выходной, — задумчиво проговорил Северин Мирославович.

— Странностей хватает, — откликнулся лейтенант. — Вам уже сказали, что в апреле в эту самую хату к Реве залезали неизвестные? Весной ограбили дом, а через пять месяцев убили хозяина — как вам?

Сквиря удивленно повернул голову.

— Воров не нашли — их соседи спугнули. Ни отпечатков пальцев, ни следов на земле. Ни одна из вещей потом нигде не всплыла — зажилили, видно, чужое добро для себя. Мы потрясли местных алкашей, наехали на спекулянтов... — Милиционер развел руками. — Хозяин в это время гостил у дочки в Днепропетровске. Воры ночью взломали входную дверь. Свистнули, что на виду лежало... Вообще, странные были грабители. Соседи на улице шумят, храбрости набираются, а воры, вместо того, чтобы через окно сигануть, с вещей отпечатки пальцев стирают...

— А сейчас в доме остались отпечатки?

— Немерено! Хозяина и еще двух-трех соседок. Когда завершится экспертиза, будет известно точно. Похоже, на этот раз преступники были в перчатках.

Капитан хотел было пойти в коридор, но вдруг заметил на туфлях пятна муки. Чертыхнулся и затопал, пытаясь их стряхнуть.

— Записную книжку убитого нашли? Любую? Телефонную?

— Нет, — после некоторой заминки ответил лейтенант. — Ни записных книжек, ни сберкнижек, ни денег, ни драгоценностей... Так что все это вполне может оказаться банальным ограблением. — Он почесал лоб и добавил: — С другой стороны, цветной телевизор не взяли, радиолу, дубленку и кашемировый свитер не тронули. Два альбома нумизматических тоже не забрали. Непонятно...

Они вышли в коридор. После ярко освещенной кухни здесь почти ничего не было видно. Сквиря двигался наугад, пока лейтенант не открыл еще одну дверь в самом конце коридора. Оттуда хлынул свет, и тонущий в темноте тоннель превратился в довольно уютную прихожую с пестрой тканевой дорожкой на полу.

В стене рядом с дверью на кухню капитан увидел выбоину. В глубине на ржавой трубе сверкнули длинные свежие царапины. Сквиря остановился и зачем-то потрогал пальцами дно выбоины. На пол посыпались известка и кирпичная крошка.

— Мы сперва не разобрались, — поспешно заговорил лейтенант, — стали искать тайники миноискателем. А тот звенит и звенит! Он звенит — мы стенки и долбим. А хата-то еще довоенная, до Первой мировой, значит, построенная. Какой-то купец для себя возводил. Толщина стен — в два кирпича, а между слоями на арматуру нашита металлическая сетка. Потом хату перестраивали еще много раз, остались старые трубы, обрывки проводов. В общем, миноискатель мы военным вернули. Дыры наследникам теперь залеплять. Дальше пришлось искать по-простому — простукивать...

— Интересно, — задумчиво произнес Сквиря. — А как тут вообще с криминальной обстановкой? Никогда бы не подумал, что в таком городке убивают налево и направо!

— Да не убивают, товарищ капитан! — вскинулся милиционер. — У нас убийств никогда не бывало. Знаете, какие у нас преступления? Ерунда полная, будете смеяться! В этом году, в феврале, ларек продуктовый вскрыли и унесли три пузыря водки...

— Страшное преступление! — рассеянно откликнулся Сквиря.

— ...Три пузыря водки и две банки килек в томате, — веско произнес лейтенант. — В июне кто-то залез через окно во вторую школу... — Он бросил взгляд на Сквирю и поправился:

— ...Среднюю общеобразовательную школу номер два. Высосали бутылку «бормотухи», расколошматили приборы в кабинете физики, спиионерили спектрометр, радиометр и триодную пару. Вы хоть знаете, что это за фрукт такой — триодная пара?

Северин Мирославович пожал плечами.

— И я не знаю. И никто не знает. Зачем ее тырить? Кто ее купит? Ни себе налить, ни подруге подарить. Вот такие у нас преступления! А тут вдруг...

Капитан переступил порог библиотеки, дверь которой все это время держал для него открытой милиционер.

Стены в этой комнате некогда закрывали высокие, до потолка, книжные стеллажи. Но сейчас книг на полках практически не осталось. Зияющий пустотами темный скелет металлических реек расчерчивал на прямоугольники беленные известкой стены, взбухающие по углам узлами вбитых глубоко в кирпичи массивных стальных креплений.

Почти все книги были сброшены на пол, и паркет исчез под массивными фолиантами, яркими каталогами, невзрачными брошюрами. На открытых страницах теснились фотографии монет и исследователей, портреты древних царей, колонки убористого текста...

Потянуло сквозняком, и книги зашептали, зашелестели страницами. Будто они пытались что-то сказать, но ветерок стих, и нечто важное улетучилось, скрывшись в темных углах старого дома.

В центре комнаты одиноким островком среди книжного моря выглядел письменный стол. Рядом с ним стояло большое старомодное кресло. За его высокой спинкой располагалось нестандартное широкое, на пять створок, окно. Через пыльное стекло можно было рассмотреть обширный огород, теперь уже безнадежно вытоптаный сновавшими всю ночь милиционерами. Дорожка из кирпичей, ведущая от калитки к крыльцу, тонула в нанесенной сапогами грязи.

Лейтенант помялся на месте, поглядывая на Сквиру. Потом полез через груды книг к окну. Капитан двинулся следом, поскользываясь на гладких страницах и ощущая, как под ногами рвутся корешки.

Тревога вновь забила в его груди. Он чувствовал, что сейчас лейтенант заговорит о своей таинственной находке, и нужно будет что-то отвечать, как-то соответствовать. Черт, знать бы хоть, куда именно они звонили!

— Здесь, на полу, — заговорил милиционер, — валялись два нумизматических альбома. С юбилейными монетами. Преступники их бросили...

— А где ваша находка? — перебил Сквир, уже практически решившись признаться.

— Вон, — лейтенант кивком указал на стол.

На нем разворотом вниз лежала раскрытая книга.

— Тот рисунок там. Но давайте я вам сначала еще кое-что покажу.

Рисунок? В книге? Это и есть находка, из-за которой, по мнению местных милиционеров, кто-то из областного КГБ должен сюда стремглав примчаться?

Сквира испытал облегчение. Неуверенность осталась, но теперь хотя бы появилась какая-то определенность.

Лейтенант склонился над подоконником. Нажал на него каким-то хитрым способом и замер. Несколько секунд ничего не происходило. Затем раздался тихий щелчок.

— Довольно простой, но надежный запор, — пояснил милиционер, потянул на себя подоконник, и тот на удивление легко поддался. В стене открылась длинная глубокая ниша, обитая изнутри черным бархатом. — Тут и лежала большая часть коллекции Ревы. Четырнадцать альбомов. Нетронутые. Мы их в райотдел увезли.

— Это ж надо! — Северин Мирославович разглядывал тайник с нескрываемым изумлением. — Молодцы, что нашли!

— Дурное дело не хитрое! — скромно ответил лейтенант. — У нас ведь полно времени на простукивание было! И мы не шугались каждого шороха!

— После обнаружения этого тайника дальнейший поиск... ну... вы прекратили? — спросил капитан как можно более невинным тоном.

— Еще чего! — возмутился лейтенант. — Обстукал весь дом. Закончил только перед самым вашим приездом.

Сквира провел ладонью по бархатистому дну тайника.

...Где-то рядом, за забором, проехала машина. Солнечные блики прочертили наискосок стены и потолок. Из ниоткуда выпрыгнули и тут же исчезли многочисленные черные тени.

Капитан обернулся к столу, неторопливо сел в кресло. Любопытно, что же такое они нашли!

Книга оказалась научно-популярным трактатом. Переводное издание на дорогой бумаге с множеством цветных иллюстраций. Восторженные предисловия советских физиков с титулами один громче другого. На открытой странице речь шла о параллельных мирах, возможность которых обосновывалась теориями многомерности вселенной. Автор анализировал концепции двух ученых из уважаемых британских университетов, защищавших очень похожие теории. Один англичанин считал, что в нашем мире одиннадцать измерений, а другой — что двенадцать. Куда девался старый добрый трехмерный мир с банальными длиной, шириной и высотой?!

На полях книги проступали какие-то темные пятна. Северин Мирославович перевернул страницу и уставился на два рисунка, выполненные карандашом. Дети иногда подкладывают монетки под лист бумаги и заштриховывают их сверху. Получаются вполне реалистичные отпечатки. Кто-то здесь сделал то же самое. Перед Сквирой были два круга — аверс и реверс монеты. Той самой монеты...

С находкой местных милиционеров все прояснилось. Капитану следовало бы испытать облегчение — это ведь всего-навсего рисунки уже найденной монеты, но парадоксальным образом тревога Северина Мирославовича усилилась.

Эти рисунки... Эти простые рисунки с пронзительной ясностью напомнили Сквире, что за дело ему досталось. Непонятное, странное, туманное...

Где-то под ложечкой неприятно посасывало. К запутанным отношениям с начальством — еще и эта головоломка! Именно сейчас, когда карьера буквально висит на волоске!

Символ националистов, на который смотрел сейчас капитан, давно стал частью антисоветской деятельности в УССР³. Он реял на стягах Петлюры и Бандеры. Он прошел через войны — гражданскую и Великую Отечественную. Он стал обязательной частью листовок антисоциалистических кружков и плакатов подрывных организаций. Ни одно украинское подпольное издание, ни одна нелегальная сходка в республике не обходились без трезуба.

Сквира поднял взгляд на топтавшегося рядом лейтенанта. Тот, будто понимая сомнения кагэбэшника, пожал плечами.

Уверенности, что в этом деле удастся разобраться, у капитана не было. Никакой. Дело явно выходило за рамки того, с чем ему до сих пор приходилось сталкиваться. С оконного стекла на него глядел еще один Сквира — эфемерный, едва различимый, с растерянным лицом. Следователь КГБ неуверенно улыбнулся сам себе.

— Вы монету нашли? — спросил он, хотя и знал ответ на этот вопрос.

— Нет, — покачал головой лейтенант. — Ни в доме, ни в альбомах ее нет...

Сквира посмотрел на раскрытую перед ним книгу. «800 років династії Романовичів, Мала Русь-Україна, 1970». Что за глупая, бессмысленная надпись! И что она должна означать?

³ УССР — Украинская Советская Социалистическая республика.

Володимир, райотдел милиции, 14:35.

— Хорошо, что вы позвонили, Северин Мирославович, — пропела секретарша подполковника Чипейко мягким обволакивающим голоском. Разговаривала она всегда только по-русски, причем на очень правильном, литературном языке, хотя, говорят, подполковник вытащил ее из какого-то глухого села. — Кирилл Олегович уехал в обком, но перед отъездом попросил, чтобы вы обязательно с ним сегодня связались. Позвоните ему домой около десяти вечера. Вы ведь в Володимире, правда?

— Так точно, — ответил Сквиря. На душе было мерзко от предчувствия неприятностей. — Только что... ну... — Как всегда, когда он ощущал себя не в своей тарелке, слова давались ему с трудом, застревали где-то в глубинах сознания и лишь после значительных усилий пробивали себе дорогу в мир звуков.

— Мне так и сказали, — проворковала секретарша. — К глубокому сожалению, в управлении сейчас нет свободных людей вам в помощь, но я говорила с начальником местного райотдела милиции. Он обещал полную свою поддержку. Вы ведь уже познакомились с Василием Тарасовичем Козинцом?

Сквиря покосился на лейтенанта, сидевшего по другую сторону стола. Вот, значит, как его зовут!

— Так точно, — буркнул он. Браться за расследование в одиночку, при сомнительной помощи провинциального милиционера?

— Значит, вы перезвоните? — продолжала секретарша. — Кирилл Олегович очень ждет вашего звонка. Вы ведь сможете, да?

— Так точно, — неуверенно повторил капитан.

— Как замечательно! Приятного вам дня, Северин Мирославович!

Сквиря положил трубку на рычаг. Постоял еще несколько секунд, глядя в стену, потом повернулся к столу и немедленно наткнулся на испытующий Ленинский прищур.

Они находились в Ленинской комнате, и вождь пролетариата был здесь повсюду. Два портрета Владимира Ильича украшали стены, большой гипсовый бюст стоял в углу, на столе гордо возвышался маленький бронзовый бюстик, кумачовые транспаранты с Ленинскими цитатами отдыхали от демонстраций за шкафом.

Напротив капитана висела огромная картина с традиционным сюжетом о ходоках. Вождь мирового пролетариата, однако, не торопился говорить с тремя мужиками, пришедшими к нему из далеких далей. Голова Ильича была повернута к ним, но смотрел он на Сквирю. Смотрел неодобрительно, даже осуждающе. От его взгляда не могли укрыться ни усталость в глазах, ни неуверенность в голосе, ни опасливая осторожность в разговоре...

— Вы тоже не можете догнать, — вдруг сказал Козинец, — как вор просек, что монеты ценнее радиолы? Радиолу же он не стащил!

— Ну... — Сквиря почесал затылок. Его мысли витали довольно далеко от радиол, и теперь он не совсем понимал, о чем завел речь лейтенант.

— И я о том же... — вздохнул Василь Тарасович. — Как случайный вор мог допереть, что монеты из брошенных альбомов дешевые, а из тайника на кухне — дорогие?

— Преступники разбирались в нумизматике, — предположил капитан.

— Ну да. Но этого мало. Ведь спереть коллекцию — только начало. А кому ее сплавить? Обычным людям такое добро на что? Как им объяснить, что позеленевшая медная монетка стоит не рубль, и не два, а десятки, а то и сотни рублей? Да и на кой эти монетки простому смертному? Хоть за десять рублей, хоть за два, хоть за рубль... — Козинец скосил глаза на капитана. — Чтобы загнать такую уйму ценных монет, нужно знаться с фанатиками, с нумизматами. И не с какими-то там, а с богатыми нумизматами! В комиссионку с теми тремя альбомами не сунешься...

Капитан поморщился. Уж не решил ли этот милиционер, что может поразить следователя КГБ своими довольно очевидными выводами?

— Давайте лучше подумаем о монете с трезубом, — сказал Сквиря. — Версию, что она сохранилась с гражданской войны, насколько я понимаю, мы не рассматриваем?

Взгляд его скользнул по фигуре Ленина и остановился на золоченой раме, в которую была заключена картина. По слою пыли на ней кто-то провел пальцем, оставив длинную бросающуюся в глаза полосу. Почему-то ее вид сразу прибавил Сквире уверенности.

— А было б ничего так! — вдруг заметил Василь Тарасович. — Прикиньте! Был такой себе Максюша Забобуйко. Провозгласил себя императором села Козявки. Монеты сварганил на каком-нибудь парижском монетном дворе. А год велел проставить не текущий, а тот, что он сам себе наметил для ухода на пенсию. И потом все это фуганул через фронты в свою империю... — Уголки губ лейтенанта дрогнули, и Сквиря, до сих пор думавший, что Козинец говорит всерьез, от его неожиданной ухмылки прыснул. Василь Тарасович тоже рассмеялся.

— Если вы все-таки не настаиваете на версии про императора Козявок, — сказал капитан, улыбаясь, — то что у нас остается? Местные националисты?

— Парочка отбывших наказание по этой статье у нас, конечно, найдутся, — тут же отозвался лейтенант, — но они ж не малахольные, чтобы высовываться. Так, босота местная, полная абстракция. Есть еще несколько тайных униатов. Ездят во Львов, якобы за покупками, но все знают, чем они там на самом деле занимаются... Да разве униаты — обязательно националисты? Сходки какие устраивают? Листовки расклеивают? Нет. Помалкивают себе да на папу римского молятся...

— Нужно провести обыски у отсидевших по этой статье, — предложил Сквиря. — Может, установим связи националистов с Ревой...

— Само собой. Только никаким националистом Рева не был. Я его знал. Прокурор, начальник райотдела милиции, первый секретарь райкома — все его знали. Весь город! Какой с него националист?

Лейтенант взглянул на капитана и замолчал. Травинка, занесенная ветром, застряла в его усах, и теперь при каждом движении мелко дрожала.

— Может, поляки монету отчеканили? — выдвинул версию Сквиря. — Тут ведь граница совсем рядом?

— Девятнадцать километров. У всех родственники за Бугом. Только Польша — это социалистическая страна. Их Служба безопасности на украинскую националистическую группу глаза бы не закрыла. Не говоря уже о совете этом ихнем... — Козинец замялся, подыскивая слова.

— Военный совет национального спасения, — подсказал Северин Мирославович.

— Вот именно. Они в порядке этого самого спасения гасят всех подряд. И вообще — у них там военное положение. Им не до украинских национальных идей...

В комнате повисла тишина.

«Может, стоило бы взять лист бумаги и попытаться как-то систематизировать то, что известно?», — подумал Сквиря. Даже если это и не придало бы особого смысла разговору, то Чипейко такая схема, вовремя поданная, могла бы понравиться.

— А при чем тут националисты вообще? — вдруг спросил Козинец. Он задумчиво погладил усы, и травинка, застрявшая в них, наконец, слетела.

Владимир Ильич со своего кресла в Кремле удивленно смотрел на лейтенанта. Монета с трезубом не имеет отношения к националистам? Понимаете ли вы, товарищ, какую архивредную ахинею несете?

— Да ну! — язвительно протянул Сквиря. Он был солидарен с Лениным.

— Нет, давайте вникнем! — настаивал Козинец. — Мы с чего решили, что эта монета националистическая?

— Так трезуб ведь! — стал заводиться капитан. — Монета самим своим существованием предполагает, что Украина — отдельное государство.

— Предположим, — легко согласился Василь Тарасович. — И на кой националистам варганить такую монету?

— Для пропаганды, — немедленно отозвался Северин Мирославович.

— А как монетой пропаганду вести?

Капитан открыл было рот, но, обескураженный, не произнес ни слова. Такая простая мысль ему в голову не приходила. Вот тебе и разговор с любителем! Вот тебе и простофиля-милиционер из глухой провинции, в свои почти сорок дослужившийся лишь до лейтенанта!

— Не листовка, не газета, не плакат, не книга! — продолжал вгонять гвозди в Сквирю Василь Тарасович. — Монета! Какая здесь возможна пропаганда? На ней лозунгов не напишешь, доказательства всякие, аргументы не поместишь...

Северин Мирославович вздохнул.

— Не зря же наши партизаны в войну ерундой не занимались и монеты не чеканили. Они плакаты развешивали да листовки разбрасывали, — никак не мог успокоиться лейтенант. — Тот же Ленин для пропаганды газету печатал. Ленин! А он в этой теме фурычил! Враги советской власти вон тоже не монеты чеканят, а по радио брешут. «Би-Би-Си» всякие. Но монеты — нет, не штампуют...

— Я понял, понял, — с легким раздражением прервал Сквиря.

— А деньги?

— Что — деньги?

— Сколько нужно денег, чтобы отчеканить скромный тираж в сто тысяч экземпляров монеты? Золота для такой пропаганды потребуются тонны! Тонны — в буквальном смысле этого слова! — продолжал Козинец.

На столе лежала раскрытая на рисунках книга. С ее страниц смотрел Божьей Милостью Его Величество Максим III. Вислые усы и волевой подбородок — полная противоположность Владимиру Ильичу...

— Да и что за националист написал бы про Малую Русь? — уже гораздо тише проговорил Василь Тарасович. — Это ж Малороссия! Оскорбуха! Даже не для националиста! Даже для простого советского человека, вроде вас и меня, явная оскорбуха!

Северин Мирославович прислушался к себе. Оскорбляло ли его слово «Малороссия»? Просто неофициальное название участка суши... Он покачал головой. Себе-то он мог признаться: да, ему это слово не нравилось.

Лейтенант задумался ненадолго и добавил:

— И имя «Максим» не катит. Что за Максим? Да еще и Третий? Если уж националист придумывает такую монету, то не круче ли поместить на ней портреты борцов? Петлюры какого или Бандеры? Да мало ли у них, у националистов, героев! А тут какой-то Максим Третий! Не в дугу... — Он запнулся, бросил взгляд на Сквирю и поправился: — Я имею в виду, что было бы логичнее, если бы...

— Я понимаю, что вы имели в виду, — осторожно улыбнулся Северин Мирославович. Не хватало еще к словам цепляться!

Ну вот, монета не националистическая. Что теперь докладывать подполковнику Чипейко?

Козинец погладил усы, глядя на капитана.

— Да и не вызывает эта монета никаких националистических чувств. Жадность — да, вызывает. Желание заныкать ее на черный день — вызывает. А вот националистических чувств — нет...

Сквиря кивнул.

— Может, этими монетами зарплату активистам выдают? — предположил он.

— В магазин с такой зарплатой не погрешься, к ювелиру не сунешься. Даже если бы и не было никакого трезуба! А с ним... С трезубом в КГБ загремишь с два счета!

— А награда? — все еще сопротивлялся капитан. — Вроде ордена?

— И как награда она не в тему, — развел руками Василь Тарасович. — Ты, скажем, всю жизнь положил на борьбу с Советской властью, а тебе что? Твои же товарищи награждают тебя не грамотой «Передовик национализма», не медалью «Пятьдесят лет Бандеровским курсом», не орденом «За успехи в оплевывании Советов», а монетой с каким-то Максимом Третьим...

Рот Козинца растянулся в широкой улыбке.

— Ни себе покайфовать, ни семье показать, ни перед единомышленниками повыпендриваться...

— Вы раньше имели дело с монетами? — спросил Сквиря, удивляясь, когда это лейтенант успел все проанализировать.

— В смысле? — Козинец будто наткнулся на какой-то барьер. Хотел что-то сказать, но вопрос капитана остановил его на полном скаку. — Я пока ночью стены в той хате простукивал, столько всего об этой монете передумал...

— Ну и зачем же она все-таки нужна?

Козинец молча пожал плечами. В комнате воцарилась тишина. Стало слышно, как где-то в глубине райотдела дежурный объясняется с кем-то по телефону. Слов разобрать было нельзя, но голос гудел, создавая беспрерывный монотонный фон.

— Может, — задумчиво проговорил Сквиря, — кто-то получил доступ к левому золоту? Ворует на прииске, например?

— А монеты-то зачем штамповать? — парировал Козинец. — Тем более, с трезубом? Так одна статья была, а теперь еще две подогнал, и каждая серьезнее другой...

Опять повисла тишина. Часы на стене отстукивали секунду за секундой.

— Нумизматы ж не зря за монеты переплачивают, — наконец, произнес Северин Мирославович. — В монетах цена выше, чем просто за драгметалл.

— Ага, выдашь ты эту монету за нумизматическую редкость! — буркнул Василь Тарасович. — Это как впаривать пенопластовый спасательный жилет, в котором якобы еще Ной по своему ковчегу расхаживал. А для убедительности и дату написать — мол, произведено до вселенского потопа... — Он хмыкнул. — Даже малый ребенок знает, что никакого государства Малая Русь-Украина не существует и никогда не существовало. И никакого короля Максима III тоже не было и нет. На кой ляд нумизмату переплачивать? И много переплачивать — иначе какой смысл подделывать монету?

— Ну да, — недовольно согласился Сквиря.

— И как штамповать? Сунуться на монетный двор? На советский монетный двор? Да такого сумасшедшего заметут в первую же минуту! — Василь Тарасович победно посмотрел на капитана.

Тот отвел глаза. Возражений у него не осталось. Чтобы скрыть свою растерянность, Сквиря подошел к окну. Постоял немного, глядя на пустынную улицу. Потом вернулся к столу и сел.

— Что же получается? — пробормотал он. — Этой монеты вообще не должно существовать? Она бессмысленна?

Луцк, областное общество филателистов, 16:15.

В глубине темной комнаты на внушительных размеров столе стояла сиявшая в полную мощь медная, с малахитовыми вставками, лампа. За столом в высоком кожаном кресле восседала пожилая дама — Марта Фаддеевна Кранц-Вовченко — величественная, сухоощавая, с копной седых волос. Перед ней в пепельнице дымилась сигарета в длинном янтарном мундштуке.

— Вы опоздали на пятнадцать минут, — хрипло сказала хозяйка, безбожно картавя.

Сквиря замер. Рука инстинктивно дернулась к внутреннему карману пиджака и извлекла удостоверение.

— Капитан госбезопасности Сквиря, — несмело представился он.

Перед столом стояло второе кресло, но Северин Мирославович не решался сесть.

— Это хорошо, юноша, что вы не оправдываетесь, — строго произнесла дама. — Я не люблю этот бессмысленный лепет... — Она взяла удостоверение и потянулась к кожаному футляру с очками. — Я ожидала чего-то более внушительного, — заметила она, вчитываясь, — обилия гербов, печати на веревочке, приказа после прочтения застрелиться...

— Я сам был... э-э-э... в свое время разочарован, — признался Северин Мирославович.

— Капитан... — продолжала Марта Фаддеевна. — Hauptmann⁴... Это ведь не очень высокий чин?

— Три звания до генерала.

— А вы оптимист! — старуха рассмеялась и величественно указала на свободное кресло. — Можете сесть.

Это прозвучало как команда. Сквиря быстро выполнил ее.

Старуха вернула удостоверение и, покосившись на гостя — будто пытаясь понять, способен ли он оценить ее жест, спросила:

— Желаете кофе?

⁴ Hauptmann — капитан (нем.).

— Да, — Северин Мирославович постарался вложить в голос подобающую случаю благодарность.

— Мой кофе с коньяком, предупреждаю.

«В четыре часа дня?» Сквиря согласно махнул рукой.

Дама поднялась и неторопливо прошла в другую часть комнаты. Женщина оказалась довольно высокой и на удивление энергичной. С прямой, как у курсанта военного училища, спиной. Ей в равной степени могло быть и шестьдесят, и восемьдесят лет.

На полпути она обернулась:

— Между прочим, мне семьдесят два. Так что вы, молодой человек, могли бы и помочь.

— Просто мистика какая-то, — прошептал Сквиря, вставая.

— Мистика? — старуха приподняла бровь.

Северин Мирославович смутился и, глядя в пол, промямлил:

— Я только что подумал, что вам лет... э-э-э... пятьдесят, Марта Фаддеевна.

— Гм, — старуха повернулась к шкафу и вынула из портфеля, стоявшего на одной из полок, термос. — Грубая лесть. Впрочем, молодежь совершенно разучилась делать комплименты, так что вам это все равно идет в зачет.

Даже не убедившись, что гость успел подойти, она протянула назад изящную кофейную чашку на блюдце. Северин Мирославович неуклюже рванул к ней и едва успел подставить руки.

Старуха щелкнула замком портфеля и направилась обратно к своему столу. Капитан пропустил ее вперед, дождался, пока она сядет, и сел сам.

Хозяйка налила ему кофе из термоса. Напиток оказался густым и ароматным. Коньяка, правда, в нем было больше, чем он ожидал.

— Прекрасно! — искренне одобрил Сквиря.

Марта Фаддеевна кивнула. Себе она поставила рюмку и наполнила ее чем-то из черной бутылки с этикеткой на французском.

— Вам не полагается — вы на службе. А мне кофе уже хватит.

Она затянулась сигаретой, потом аккуратно положила ее обратно в пепельницу и отхлебнула из рюмки, светски отставив мизинец.

— А у нумизматов другая комната? — спросил Сквиря.

— Другая? — удивилась Марта Фаддеевна. — Почему?

— На входе висит табличка... Это же общество филателистов?

Дама рассмеялась странным скрипучим смехом.

— Это общество всего. Все сумасшедшие, тратящие жизнь на собирание никому не нужных линиялых тряпок, металлолома и обрывков бумаги, добровольно записываются ко мне в гроссбух, да еще и платят взносы.

— Значит, нумизматы тоже входят в общество филателистов?

— И бонисты, и филокартисты, и филуменисты, и благородные фалеристы...

— А вы сами, Марта Фаддеевна?

— Я поклонница металла, капитан. Нумизмат. Собираю монеты.

— Филателисты не жалуются? Это ведь их общество.

— Пусть только попробуют! — хмыкнула она и тут же, без паузы, будничным тоном поинтересовалась: — Вы уже поймали убийцу Ореста?

— Нет еще, не поймали, — отозвался капитан и счел необходимым добавить: — Но с вашей помощью надеюсь его поймать.

Старуха вновь затянулась сигаретой. Похоже, ответ ей понравился. Сквиря почувствовал себя комфортнее.

— Можно мы просто побеседуем? — предложил он. — Я пока не представляю, о чем вас спрашивать...

— Вы всегда так откровенны? — Марта Фаддеевна улыбнулась и откинулась на спинку кресла.

Сквиря осторожно пожал плечами, искоса посмотрев на нее. Женщина, похоже, была настроена вполне благодушно.

— Я, увы, офицер органов правопорядка...

— Ну-ну, — рассмеялась старуха.

Несмотря на разгар дня, комната Волынского областного общества филателистов тонула в полумраке. Были ли тому виной крошечные размеры покрытого пылью окна или многочисленные мрачные массивные шкафы, загромождавшие все вокруг, — не понятно. Однако света проникало внутрь на удивление мало, и дальние углы совершенно скрывались в черных тенях. У Северина Мирославовича было ощущение, что они, сидящие за ярко освещенным столом, находятся посреди моря тьмы, отрезанные от остального мира.

— Вы захватили с собой альбомы Ореста?

Сквиря опешил. Старуха опять рассмеялась.

— Советую вам почитать Сименона, молодой человек. Убили нумизмата. Следовательно приезжает в логово коллекционеров...

— Да, вы правы. Я... э-э-э... привез альбомы Ревы.

Капитан поднялся и подошел к окну. Шпингалеты, старые и разболтанные, страшно было трогать — того и гляди отлетят, но он все-таки дернул задвижки. Окно открылось с легким скрипом.

Холодный сырой ветер немедленно ворвался в комнату, промчался по полкам и зашелестел старыми журналами. Парочка бурых листьев, принесенных невесть откуда, влетела внутрь и, плавно кружась, села на красочный альбом, лежавший на подоконнике.

Внизу, у входа в здание, стоял милицейский «бобик», щедрой рукой выделенный капитану начальником володимирского райотдела. Водитель прогуливался рядом. На звук открывающегося окна он поднял голову.

— Заноси, — коротко бросил ему Северин Мирославович и захлопнул створку.

Под деланно равнодушным взглядом старухи он подобрал сухие листья, влетевшие с улицы, и бросил их в переполненную корзину для бумаг.

— Вы хорошо знали Реву? — спросил Сквиря, возвращаясь в кресло.

— Лучше, чем свою одиннадцатилетнюю внучку, — ровным тоном ответила Марта Фаддеевна. — Она живет в Москве. Увы!

И что должен означать такой ответ? Старуха знала Реву хорошо или плохо?

— Когда вы познакомились?

— С Орестом? Считаете, дама может помнить подобные вещи? Впрочем, это случилось после нашего переезда в Луцк. Мужа перевели на Волынь в семидесятом.

— И вы стали с Ревой друзьями?

— Товарищами, — кивнула Марта Фаддеевна. — Одинаковые увлечения, возраст, довольно частые встречи...

— А как вы увлеклись нумизматикой?

— О, это случилось очень давно. Я тогда училась в Школе Коминтерна, и у меня там был роман с одним не в меру горячим датчанином...

Капитан не сдержал улыбки.

— Мне просто было любопытно, — серьезно пояснила старуха. Она медленно выпустила дым из ноздрей и отхлебнула из рюмки. — Вот этот датчанин и подарил мне первую монету. Римский денарий-антониан, выпущенный в провинции Испания во втором веке нашей эры.

— Звучит захватывающе, — признался Сквиря. — Вы его храните?

— Вот еще! — возмутилась старуха. — Я его сразу же поменяла у преподавателя истории коммунистических движений на византийский золотой солид седьмого века.

— Не жалеете?

— Это пусть тот преподаватель жалеет. Не знаю, о чем он думал, когда весьма настойчиво предлагал мне такой обмен. Абсолютно невыгодный для него, заметьте...

В этот момент дверь отворилась, и в комнату ввалился водитель со стопкой альбомов в руках. Он сгибался под их тяжестью, кряхтел, но все-таки тащил все вместе. Здесь были и те два, что пренебрежительно бросили преступники, и другие четырнадцать, обнаруженные Козинцом в тайнике под самое утро.

— Давайте их сюда, юноша, прямо на пол! — скомандовала старуха.

Водитель свалил альбомы у стола, завистливо принюхался к кофейно-алкогольным ароматам, витавшим в воздухе, но, не дождавшись приглашения, вздохнул и ушел.

— Посмотрим, — Марта Фаддеевна взяла верхний альбом, один из брошенных преступниками, и перевернула несколько страниц. Слегка поморщилась.

— Коллекция плохая? — спросил Сквиря.

— В этом альбоме только советские Gedenkmünzen⁵! — пренебрежительно отозвалась она.

Сквиря понятия не имел, что такое «Gedenkmünzen», но догадался, что они, да еще советские, восторга у старухи не вызывают.

— Сколько этот альбом может стоить? — он украдкой взглянул на Кранц-Вовченко, проверяя, не задал ли какой-нибудь глупый с точки зрения нумизмата вопрос.

Марта Фаддеевна вынула изо рта мундштук и задумчиво уставилась на гостя.

— С точностью до рубля мы сможем сказать дня через три-четыре. У меня специалисты не слишком прыткие. Нужно будет оценить каждую монету...

— А если приблизительно?

— По весу, что ли?

— Ну чтобы составить общее представление, — неуверенно проговорил капитан.

— Смотрите, — дама придвинула к нему альбом. — Золотых монет здесь нет. Серебряных — четверть. Все в приличном состоянии. Думаю, этот альбом может стоить около ста пятидесяти рублей.

— Так много!

⁵ Gedenkmünzen (нем.) — юбилейные монеты.

— В основном, товарищ Сквир, это стоимость серебра. — Она глянула на капитана поверх очков. Тот кивнул. Марта Фаддеевна взяла второй брошенный преступниками альбом. — Этот поинтереснее, — она пролиставала картонные страницы. — Все боятся собирать монеты времен оккупации. Много серебряных рейхсмарок... Думаю, до двухсот рублей.

— Ничего себе! — поразился капитан. — За эти два альбома можно купить шубу!

— Не все меряется шубами, — холодно отрезала Кранц-Вовченко.

Северин Мирославович стушевался.

— В коллекциях, подобной этой, есть только один смысл — законная скупка и хранение драгоценных металлов, — объясняла женщина. — Добрая половина списочного состава нашего общества занимаются нумизматикой только ради этого.

— Даже так? Зачем же вы принимаете их в общество?

— А взносы? А показатели массовости?

Сквир оторопел.

— Да и не пишут они этого в своих заявлениях, — добавила она. — Пишут прямо противоположное — про увлекательный мир монет, через который соприкасаешься с историей своего Отечества...

— Так Рева был из таких?

— Орест? Нет, он был настоящим нумизматом. Всегда привозил парочку немислимых редкостей. Производил фурор... — Грозно звучащий прононс старухи, помноженный на картавость, производил ошеломляющий эффект. Сквир поймал себя на мысли, что готов слушать этот «фурор» снова и снова.

— Откуда же люди берут столько денег на свои коллекции?

Марта Фаддеевна рассмеялась.

— Большинство просто вкладывают в монеты то, что зарабатывают на стороне. Но есть, конечно, и удачливые коллекционеры, делающие деньги на нумизматике...

— Разве это законно? — Сходу Сквир не мог вспомнить соответствующих статей кодекса, но все это отдавало легким криминальным душком.

— Вам нужны от меня факты или моральная оценка? — сухо оборвала его дама.

В комнате стало тихо. В углу стучали большие напольные часы. Тяжелый маятник равнодушно раскачивался из стороны в сторону. Сверкающие медью стрелки показывали почти полпятого. В полированной поверхности корпуса отражались, искривленные и сжатые до неузнаваемости, две человеческие фигуры.

— А Рева откуда брал деньги? — спросил капитан, наконец. — Тоже удачная купля-продажа монет?

— Не без этого. Он был очень талантливый.

— А что еще? — Требовалось задать неприятный вопрос, и Сквиря весь напрягся, пытаясь сформулировать его помягче. — У Ревы были доходы на стороне?

— Понятия не имею, — спокойно ответила старуха. — Как коллекционер, Орест был одним из немногих, добившихся настоящего успеха. Как собеседник он был интересным. Как кавалер он демонстрировал неплохие манеры...

— А как гражданин?

— А как гражданин он слишком часто посещал партсобрания, — тем же тоном произнесла Марта Фаддеевна. Потом улыбнулась, и вся тяжесть, возникшая в последние минуты разговора, развеялась, как по мановению волшебной палочки.

Сквиря почувствовал себя увереннее.

— А вы сами? Ваша коллекция, наверное, и лучше, и дороже, чем у Ревы?

— Моя коллекция и лучше, и дороже, — невозмутимо согласилась Кранц-Вовченко и выпустила из носа струйку сигаретного дыма. — По последней оценке, июньской, кажется, она стоит тридцать пять тысяч рублей...

Сквиря замер, не веря своим ушам. Тридцать пять тысяч?!

— Оценку проводил местный краеведческий музей, которому я ее завещала. Возможно, они из-за этого несколько завысили стоимость, но вряд ли в разы. А деньги... По большей части я весьма удачлива как коллекционер. Не хуже Ореста, это уж точно... Конечно, только удачей не обошлось. В монеты вложен не один оклад моего первого мужа, гонорары моего второго мужа и премии третьего. Не говоря о том, что и мой орден Ленина тоже, бывало, помогал...

— Орден Ленина? — Сквиря не уставал поражаться. — У вас? Вы воевали?

— Вы имеете в виду, сидела ли я в окопах с ружьем наперевес? — рассмеялась Марта Фаддеевна. — Нет и нет! Это мужское дело. Я вела комфортную жизнь в глубоком тылу, работала в хорошо отапливаемом архиве и переключалась с места на место бумаги. Не так интересно, как все это, — она хлопнула ладонью по нумизматическому альбому. — Вокруг меня сновали подтянутые и вежливые мужчины. В отличие от наших мужланов, они знали родословную фон Кранцев назубок, ценили мои фиктивные дипломы и сочувствовали тяжелой жизни бедной девушки под гнетом комиссаров, — и она лихо опустошила рюмку.

— Я и подумать не мог... — ошарашено пробормотал Сквиря.

Он весь подобрался и опасливо посмотрел на собеседницу. В его голове возникла картина: подполковник Чипейко увольняет его из органов... нет, отдает под суд за неосторожную фразу, сказанную пламенному борцу, ветерану невидимого фронта, коммунисту кристальной честности и стальной закалки товарищу Кранц-Вовченко...

— Мы отвлеклись, — старуха опять наполнила свою рюмку. — Ошибки моей молодости вам никак не помогут. Что касается Ореста... Богачом он не был, деньги направо и налево не швырял, собрать тысячу за пару дней не мог.

— Кстати, — спросил Сквиря, — откуда коллекционеры узнают о том, кто какие монеты предлагает и кто какие ищет?

— В газетах, конечно, никто объявления не дает! У кого больше знакомых среди нумизматов — тот и в выигрыше.

— Значит, вы лично, Марта Фаддеевна, находитесь в самом выгодном положении? — улыбнулся капитан. — Вы знаете всех.

— А иначе зачем бы я здесь сидела? — величественно ответила она.

— С кем из нумизматов чаще всего общался Рева?

— Со мной, конечно, — старуха вскинула голову. — Еще в Киеве есть такие Дзюба и Бакун. Во Львове живет Шкляр...

— А кем являются люди вот из этого списка? — капитан достал из папки несколько машинописных листов, схваченных скрепкой.

...В доме Ревы хранились письма дочери, приглашения на конференции, квитанции, вырезки из газет, грамоты — ничего подозрительного. Однако Северин Мирославович нашел там и эти бумаги. Уже само заглавие вызывало профессиональную настороженность: «Конец галицко-волынской правящей династии». Этот документ явно стоило почитать повнимательнее. Строчку за строчкой. Националисты ярче всего раскрываются именно в своих рукописях, а это — единственный найденный в доме текст, без сомнения, составленный самим Ревой.

Под заголовком рукой Ореста Петровича были написаны в столбик шесть имен:

«Алексей Тимофеевич Часнык, преподаватель ПТУ

Андрей Андреевич Игнатенко, главный инженер кирпичного завода

Сергей Остапович Гаврилишин, директор Дома пионеров

Олег Сергеевич Квасюк, фотограф

Геннадий Федорович Рыбаченко, рабочий кирпичного завода

Марта Фаддеевна Кранц-Вовченко, профессор».

Разброс от рабочего до директора, от фотографа до профессора. Список то ли масонской логи, то ли местного националистического кружка...

— Это черновик лекции, которую Орест планировал прочитать в октябре в местном Доме культуры, — стала равнодушно пояснять Марта Фаддеевна. — До того, как отдавать текст в горком на согласование, он хотел услышать мнение друзей. А имена записал, скорее

всего, для кого-то, с кем хотел посоветоваться. Я ему, например, рекомендовала поговорить с двумя-тремя моими знакомыми во Львове и Киеве. Собственно, это список участников праздничного ужина по поводу награждения Ореста Золотым ангелочком на нумизматической выставке в Братиславе... — Кранц-Вовченко посмотрела на капитана, будто ожидая, что тот восхитится или хотя бы изумленно поднимет бровь. Но Северин Мирославович был невозмутим. — Есть такая европейская выставка... — задумчиво, будто размышляя, стоит ли вообще продолжать этот разговор, сказала Марта Фаддеевна. Потом, приняв какое-то решение, обычным тоном добавила: — Ужин состоялся в конце мая, а недавно Орест решил изложить на бумаге спор, который у нас тогда произошел. И дал копию черновика каждому из участников. Мол, лучше, если мы его сейчас покритикуем, чем потом во время лекции краснеть...

— Вы что же, за столом говорили о Галицко-Волынском княжестве?

— А почему бы и нет? Орест был погружен не просто в прошлое, а в прошлое древнее! Вот и говорили о Даниле Галицком и его потомках...

— Данило Галицкий? Это пятнадцатый век?

— Тринадцатый, — холодно поправила его старуха.

— А о политике вы говорили? — осторожно спросил капитан.

— О политике? Как сказать... Вы назвали бы политикой рассуждения о выборе женихов для Буши⁶, праправнучки Данила?

— Я о такой и не слыхал никогда, — сознался Сквиря.

— Это не делает вам чести, капитан, — буркнула Марта Фаддеевна и потянулась к нумизматическим альбомам. — Смотреть дальше?

— Конечно!.. Скажите, а была в коллекции Ревы какая-нибудь монета, которую вам самой хотелось бы иметь?

— Блестяще! — подняла бровь старуха. — Следовател за работой! Отличная версия — старуха-процентщица первой наносит удар, чтобы завладеть узелком студента! Вы не забыли, что я кавалер ордена Ленина? Еще спросите, не я ли убила Ореста.

— А это вы его... э-э-э... убили? — ужасаясь своей наглости, произнес Сквиря.

Кранц-Вовченко замерла, сверля капитана пронзительным взглядом. Через несколько секунд она покачала головой и вполне серьезно ответила:

— Нет, — потом затянулась сигаретой и добавила с иронией: — Впрочем, парочка монет у Ореста была неплоха. Где-то год назад я видела у него фоллис императора Ромула. В отличном состоянии. Думаю, он один мог стоять больше, чем целый альбом советских Gedenkmünzen. Чуть раньше был у Ореста и квинарий Аллекта третьего века... — Старуха с сомнением глянула на капитана и сочла необходимым пояснить: — Один древнеримский флотоводец взбунтовался, захватил провинцию Британия, провозгласил ее империей, а себя — императором. Аллект являлся его казначеем. Как было принято в те времена, мятежного

⁶ Евфимия-Буша (Богуслава?) († до 1349), дочь Льва Юрьевича, правнучка Данила Романовича, ок. 1323 г. выдана замуж за князя Любарта-Дмитра Гедиминовича († 1383). Этим браком был скреплен волынско-литовский мир после конфронтации, вызванной участием Льва Юрьевича в битве с литовским войском князя Гедимины на р. Ирпень на стороне киевского князя Станислава (*прим. историка*).

императора Аллект вскорости убил и сел на его место. Правда, и сам спустя три года был побежден законными римскими войсками. А как иначе? Уж очень любил Вечный Город побеждать изменников, хоть и одевал своих мужчин в юбки. Та монета — как раз из тех, что Аллект успел начеканить...

Марта Фаддеевна открыла следующий альбом, на этот раз из числа найденных в тайнике в библиотеке. Несколько секунд она разглядывала монеты, потом полезла в ящик стола. Достала внушительных размеров лупу.

— Это тетрадрахма Халкидской лиги. Их сохранилось не очень много. Даже не знала, что у Ореста она имелась... — Старуха вытащила монету из альбома и рассмотрела со всех сторон. — Знаете, Филипп, отец Александра Македонского, был настоящим Чингисханом своего времени. Всегда и всех побеждал. Все его боялись и вопреки логике постоянно создавали против него союзы. Город Олинф, столица нарождавшегося государства под названием Халкидская лига, присоединился к одному такому антимакедонскому союзу... — Женщина подняла рюмку, но, не выпив, поставила ее обратно на стол. — Союз тут же распался. Спарта отступила. Афины, несмотря на старания юного еще тогда Демосфена с его филиппиками, не торопились посылать отряды. И Олинф был взят македонским царем. Город существовал уже более тысячи лет, но Филипп продал всех до единого выживших жителей в рабство, а сам Олинф сровнял с землей. Единственная память о том городе — вот эти монеты...

В комнате раздался тихий скрип. Возможно, это были тени безжалостных македонских солдат, вызванных в наш мир именем их предводителя. Или призраки бесстрашных олинфян, тянущиеся к тетрадрахме, единственному материальному воплощению мира, который они знали.

Что-то скрипнуло снова. Капитан повернул голову. Сквозняк качал приоткрытую дверцу одного из шкафов.

Старуха положила монету Халкидской лиги на место и стала переворачивать листы. Глаза ее вновь и вновь загорались. Она постоянно бормотала себе под нос:

— Мизийский четвертьстатер... Лесбосская гекта... Финикийский двойной шекель... Траянский кистофор... Денарий Гнея Помпея... Черт побери! Золотой ауреус Антонина Пия... Денарий Дидии Клары... — Наконец, она дошла до последней страницы и подняла глаза на Сквиру. — Если бы вы не были таким милым юношей, я у вас этот альбом украла бы.

— Хорошая коллекция?

— Да. Большинство монет Орест мне действительно показывал. О некоторых ходили слухи. Но несколько — полная для меня неожиданность!

— И как дорого может стоить этот альбом?

— Я купила бы его за четыре, может, даже за четыре с половиной тысячи рублей.

— А если бы вы его продавали?..

— ...То я бы его не продала, — Кранц-Вовченко улыбнулась. Улыбнулась просто, без подтекстов, и Сквиря вдруг понял, что эта женщина когда-то была ослепительно красива.

— А были у Ореста Петровича монеты никогда не существовавших государств?

— Чиво? — она скривилась в язвительной усмешке.

— Ну, — Северин Мирославович растерялся, — золотые Арканзасского халифата, динары Антарктической конфедерации, руанды Брестской меритократии?

— Ну у вас и фантазия! — рассмеялась Марта Фаддеевна и опять склонилась над столом, чтобы отхлебнуть из рюмки. — Нумизматы таким не занимаются... — Она открыла следующий альбом. — Раннее Средневековье? — Перевернула несколько страниц, периодически останавливаясь и удивленно поднимая бровь. — О, вот это может быть интересным, — Старуха указала на неровный серебряный кружок с изображением человеческой фигурки, одетой во что-то, напоминавшее юбку. — Видите, выглядит, как византийская монета позднего периода, но при этом на ней нет никаких надписей. Это монета Феодоро. Есть такое новомодное мнение... — Она выжидающе посмотрела на капитана, но тот лишь пожал плечами. — Позор вашему учителю истории! — покачала головой Марта Фаддеевна. — Это княжество, которое существовало в Крыму. Феодорийцы — такая немыслимая смесь восточных славян, готов, греков, армян, алан и еще бог знает кого. Во времена Ивана III, деда Ивана Грозного, пришли османы. Перед лицом страшной опасности княжество⁷ и его соседи — генуэзские крепости и крымские ханы — тут же вдрызг разругались и благополучно погибли. Поодиночке. — Марта Фаддеевна закрыла альбом, постучала по нему пальцами и уточнила: — Вас ведь интересует стоимость монет?

— В общем-то, да...

Она на мгновение задумалась и решительно произнесла:

— Все вместе — от двух до двух с половиной тысяч.

Капитан пододвинул к ней следующий альбом.

— Вы меня прямо за какую-то оценочную машину держите, — проворчала дама, переворачивая первые страницы. — Это монеты Московии, чешуйки...

Северин Мирославович вытянул шею и увидел несколько невзрачных бесформенных медяшек, действительно похожих на рыбью чешую. Ни на одной монете штамп не попал на поле полностью — хоть какой-то части изображения да не хватало. Качество было просто вызывающе низким.

— В Киевской Руси монеты чеканили редко — не хватало металла. Три века обходились брусками серебра, а потом пришлось учиться всему сызнова. На первых порах получались вот такие чешуйки. — Марта Фаддеевна ткнула пальцем в одну из монеток. — Эта называется пуло. Странное слово, правда? На землях зарождавшейся под монголо-татарским игом

⁷ Феодоро — княжество в горном Крыму с центром в Мангупе. Князья Феодоро происходили из армянского рода Гаврасов-Таронитов, сосланных в Херсон (ныне Севастополь) в 1140 г. за участие в заговоре против императора Византии. В начале XIII в. им удалось создать отдельное христианское государство, большинство населения которого составляли потомки готов, греки и армяне. Верхушка государства пользовалась греческим языком. После потери Балаклавы (Чембало), захваченной Генуей в 1357 г., торговля шла через Алушту и Инкерман, бывший в 1456—1475 гг. соперником генуэзской Кафы (Феодосии). Княжество поддерживало контакты с Трапезундской империей, Молдавским, Киевским и Московским княжествами. В 1426 г. мангупская княжна Мария была выдана замуж за будущего трапезундского императора Давида Комнина, в 1472 г. другая княжна вышла за господаря Молдавии Стефана III. Великий московский князь Иван III в 1474—1475 гг. вел переговоры князем Феодоро Исааком о женитьбе своего сына на мангупской княжне. В 1475 г. большой турецкий десант овладел Кафой, Солдайей (Судаком) и другими владениями Генуи на побережье. С помощью крымского хана Менгли-Гирея этот же десант осадил Мангуп и после ожесточенного сопротивления взял город. Дворянский род Головиных и бояре Третьяковы происходили от феодорийских князей (*прим. историка*).

Московии счастливый владелец шестидесяти или семидесяти таких пуло мог обменять их на одну вот такую монетку, которая называлась татарским словом «дэнга». Слышали?

— Нет, — покачал головой Сквир.

— От нее пошло русское слово «деньги». — Старуха положила руку на дэнгу и мягко провела по ней подушечками пальцев. — Эту чеканил Василий Темный, внук Дмитрия Донского. Князь Дмитрий Шемяка⁸ в пылу борьбы за Московский престол выколол Василию глаза. Отсюда и прозвище — Темный.

— Но победил все же Василий, я так понимаю? Как-то ведь он сумел отчеканить монеты!

— Прекрасные дедуктивные способности, Эркюль! — воскликнула старуха.

Сквир хотел как-нибудь продемонстрировать свою скромность, но не смог придумать ничего лучше, чем спросить:

— А стоит эта монета сколько?

— А вы не такой романтичный, каким кажется... Рублей двадцать. Вот эта может стоить гораздо дороже. Это чешуйка еще одного Василия, старшего сына Дмитрия Донского, отца Василия Темного. Не видите никакой странности?

Сквир пригляделся, но ничего особенного не заметил. Чеканщик и здесь промахнулся, и почти половина изображения осталась за пределами монеты. Хитросплетение букв прочитать было невозможно.

— Чеканщик взял монголо-татарскую монету, — пояснила старуха. — И поверх нее попытался пропечатать свое изображение. При этом собственную надпись он сделал на татарском языке и не славянскими буквами, а арабскими.

— Так может, — предположил Сквир, — это татарская монета?

— С Георгием Победоносцем и надписью «Коломна»?

Марта Фаддеевна достала свой термос и вновь наполнила чашку капитана. Затем, все так же, не торопясь, подлила себе из бутылки.

За окном раздался шум, дюжина ворон сорвалась с дерева на противоположной стороне улицы и с карканьем закружила в воздухе. Капитан повернул голову к окну и уловил запах дыма. Где-то рядом жгли опавшие листья. С улицы доносились шорох автомобильных шин, цокот копыт, разговоры прохожих.

— А когда вы в последний раз встречались с Ревой? — Сквир, наконец, вспомнил о заготовленном для этой встречи списке вопросов.

— Встречались? — старуха затянулась сигаретой. — Недели три-четыре назад. — Она стряхнула пепел. — А разговаривали — позавчера, в субботу. Я как раз вернулась из театра,

⁸ Дмитрий Шемяка (+1453) — князь Галича Костромского (1433—1450), Великий князь московский и владимирский (1446—1447). Как сын Великого князя Юрия Дмитриевича претендовал на Москву. Слепил князя Василия Васильевича, своего соперника и двоюродного брата. Был отправлен в изгнание. «Шемяка» — от татарского «чимэк» — «украшение, наряд» (*прим. историка*).

даже переодеться не успела. В музыкально-драматическом давали «Мирандолину». Отвратительная постановка.

Сквира предпочел промолчать. Он тоже видел этот спектакль и был им впечатлен.

— Орест позвонил, чтобы я все бросила и мчалась в его глушь смотреть какую-то монету, которую он буквально только что нашел на своих раскопках. Я, конечно, отказалась. В конце концов, он вполне мог показать ее мне на правлении Общества. Мы как раз на следующей неделе собираемся. Уж на его-то монету я времени не пожалела бы. Все равно мы планируем заседать целых два дня, так что...

— Рева не хотел ждать, — сказал Северин Мирославович скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Он не хотел подвергать монету риску, — спокойно ответила Марта Фаддеевна. — И не хотел, чтобы ее случайно увидел кто-нибудь посторонний. Вот такая паранойя! Прямо Буратино с его пятью золотыми...

Сквира покачал головой.

— О чем же вы договорились?

— Я должна была сегодня утром поехать в Володимир.

— Сдались все-таки?

— Сдалась, — кивнула Марта Фаддеевна. — А вас не разобрало бы любопытство после всех этих опасений и предосторожностей? Орест ни в какую не хотел везти монету. Просто наотрез отказывался. Это, конечно, меня раззадорило. Такие тайны!

— Значит, вы... ну... планировали быть сегодня в Володимире? А почему не вчера?

— Вчера был юбилей у Часныка, нашего общего знакомого и, пожалуй, уже лет тридцать как лучшего друга Ревы... — Старуха вздохнула. — Праздник намечался на весь день. Так что Оресту было бы просто не до меня...

Так вот почему преступление совершили в воскресенье посреди бела дня! Ореста Петровича не должно было быть дома целый день! До глубокой ночи! Достаточно времени, чтобы попытаться простучать стены и найти коллекцию.

Сквира задумчиво почесал лоб. Откуда преступники узнали о юбилее Часныка? И как Рева оказался дома в неурочный час?

Марта Фаддеевна выпустила изо рта клуб дыма, пристально глядя на капитана. Потом улыбнулась, глотнула из рюмки и сказала:

— Любопытно... Вы не поинтересовались, что за монету нашел Орест. А ведь это самый очевидный вопрос. Сидите, о чем-то думаете, а о монете не спрашиваете...

Северин Мирославович смутился.

— Значит... — дама остановилась, чтобы стряхнуть пепел с сигареты, — значит, вы уже знаете, о какой монете идет речь. Я права?

Сквира лихорадочно пытался придумать какой-нибудь ответ. Чтобы выиграть время, он поднял свою чашку и осторожно пригубил кофе.

— Я права, — констатировала старуха. Она продолжала пристально разглядывать капитана, посасывая мундштук. Потом наклонилась к нему и доверительным тоном сообщила: — Есть еще кое-что интересное...

Сквира тоже подался вперед и понизил голос:

— Что?

— Вы ведь ни черта не понимаете в монетах, — почти прошептала Марта Фаддеевна. — Не сможете отличить редкость от банальной шелухи. А вот уникальность монеты Ореста как-то сразу поняли. Поняли и тут же находку засекретили. Значит, это действительно что-то невиданное...

Капитан опять не нашелся, что сказать. Несколько секунд он сидел, смущенно отводя взгляд. Потом, когда тишина стала совсем невыносимой, неуверенно спросил:

— А что... что сам Рева... ну... рассказывал о той... э-э-э... монете?

— Ничего конкретного. Орест был какой-то совершенно невменяемый. Кричал, сбивался с мысли, нес околесицу.

— Околесицу? — улыбнулся Сквира. Все это время они разговаривали по-украински, но это слово старуха произнесла по-русски, отчего вся фраза вдруг приобрела особое значение. — Что, например?

Кранц-Вовченко хмыкнула.

— Говорил, что бывают монеты совершенно... гм... бессмысленные.

Рука капитана дрогнула, и на стол расплескалось немного кофе.

Сквира беспомощно оглянулся в поисках салфеток. Старуха несколько мгновений следила за ним поверх очков. Потом рассмеялась своим скрипучим смехом, покачала головой, вытатила носовой платок и промокнула капли.

— Ничего, капитан. Что, интересно, у вас там творится, если мои слова заставляют вас так дергаться?

— Как вы узнали о смерти Ореста? — смущенный, Сквира так и не смог поднять на нее взгляд.

— Я поздно вечером звонила Часныку. Я ведь тоже с ним знакома. Конечно, не столь близко, как Орест... В общем, позвонила, чтобы поздравить юбиляра. Надо же как-то проверять, работает ли телефон. Самого Часныка я дома не застала — он убежал к Реве. Жена же его рассказала, что Орест был у них, но почему-то сразу ушел, а теперь его нашли убитым...

— Часнык тоже собирает монеты? — Сквиря осторожно пристроил чашку на безопасное место на столе.

— Часнык? Нет, не собирает. Он немного археолог, немного изобретатель, немного астроном, немного борец с мельницами, немного то да се, но к нумизматике совершенно равнодушен. А вообще-то он преподает в местном ПТУ...

Северин Мирославович, пока собеседница говорила, лихорадочно размышлял, что отвечать, если она опять спросит о монете короля Максима III. Он был настолько уверен, что она спросит, что даже не стал задавать следующий вопрос. Дама же, закончив объяснения, молча смаковала напиток из рюмки. Тишина была давящей, неуютной. Капитан неуверенно стрельнул глазами в ее сторону.

— В последнее время... — решился, наконец, он. — Было что-нибудь необычное?

— Трудно сказать, — Кранц-Вовченко пожала плечами. — Вообще, с Орестом что-то происходило. Он начал замечать какие-то тени... Боюсь, насмешу вас...

Сквиря насторожился.

— Как-то недельки полторы-две назад он сказал мне, что за ним следят...

Капитан почувствовал, что его губы невольно расплываются в глупой улыбке.

— Я же говорила: вы будете смеяться!

— Нет-нет, — запротестовал Сквиря. — Я просто не ожидал...

— Орест копался в поисках монет где-то в подземелье... Это он так выразился: «Копаясь в подземелье. Собор знаешь?». Неожиданно заметил какое-то шевеление в темноте. Перепугался страшно. Вокруг никого, полная тишина, ничего не видно. Пару минут он вообще не мог двинуться с места. Потом стал светить фонариком. Но безрезультатно...

Сквиря кивнул. Показалось старику.

— Через несколько дней после этого Орест заметил, что за ним в городе увязался какой-то человек. Одет был точно как в шпионских романах — черный плащ, черные очки, лыжная шапочка, руки в перчатках. Непонятно, мужчина или женщина. Шел на большом расстоянии, метрах в ста. Орест тогда решил не искушать судьбу и окружным путем направился обратно домой. Тот человек почти сразу исчез...

Володимир, центр города, 19:20.

— А чего это мы на ограблении зациклились? — рассуждал Козинец. — Есть ведь еще наследники, мстители, конкуренты, завистники, ревнивцы, фанатики...

Наступило то тревожное время суток, когда день сходил на нет, а ночь еще не пришла, все вокруг пока было видно без фонарей, но солнце уже покидало небо. В светлых сумерках

городок светился призрачным отсветом немногих зажженных окон и редких автомобильных фар. Гигантские красно-оранжевые тени змеились по потрескавшемуся асфальту. Средневековые строения, причудливо перемешанные с послевоенными пятиэтажками, нависали над улицами темными каменными глыбами, особенно таинственными на фоне багряного неба с почти алыми облаками.

Козинец, привыкший к сюрреалистическому смешению веков вокруг, совершенно не замечал тоскливой красоты своего города. Он стремительно шагал по улице, периодически поглядывая на часы. Они со Сквирой уже серьезно опаздывали на встречу с директором Дома пионеров. Ну кто мог предположить, что в райотделе именно в этот момент не окажется свободной машины!

— Думаете, преступникам не коллекция была нужна? — спросил Сквир. — Они пришли, чтобы убить Реву?

Козинец кивнул.

— Это вряд ли, — после минутных размышлений сказал капитан. — Ни один убийца не пойдет домой к тому, кого хочет убить, как раз тогда, когда того дома нет и не будет еще полдня...

— Ну, не знали они...

— Хорошо, пусть не знали. Пришли. Его дома нет. Подождали полчаса. Его все нет. И тогда, вместо того, чтобы ретироваться, они принялись громить мебель. Не странно ли?

Прохожих было немного, в основном, молодежь. У витрины гастронома несколько девушек взорвались громким хохотом. Их кавалеры переглядывались, ухмыляясь. Военный патруль, стоявший поодаль, разом развернулся в ту сторону, но остался на месте. На лицах солдат была лишь усталость, которую не мог расшевелить даже вид вызывающе одетых девиц. Козинец же, к изумлению Сквиры, не скрываясь, пялился на юных прелестниц и улыбался во весь рот.

— Кстати, завтра рано утром приезжает дочка Ревы, — сказал милиционер, когда выворачивать шею в сторону девушек стало совсем уж невозможно. — Я ее встречу и допрошу?

— Лучше просто поговорите. Предложите посмотреть, что пропало в доме. Заодно и расспросите обо всем. Только не забудьте после ее ухода дом снова опечатать...

Сквир от быстрой ходьбы вспотел, но был даже рад этому. Мышечное напряжение и свежий воздух разгоняли усталость.

Полупустой автобус прополз по улице, осветив фарами старое здание в готическом стиле. Покореженную временем кладку то тут, то там укрепляли леса. Кирпичи почернели и потрескались. Мозаика стрельчатых окон была за ненадобностью выброшена. На ее месте тускло светились запыленные стекла. Изнутри доносились приглушенные удары.

— Наша кирха, — бросил на ходу Василь Тарасович. Потом посчитал нужным добавить: — Немецкая церковь. Типа, австрияки построили в Первую мировую. Сейчас тут спортзал — бокс, самбо, греко-римская борьба...

У двухэтажного здания почты центральная дорога свернула куда-то в сторону, унеся с собой и редкие автомобили, и одиноких прохожих. Василь Тарасович и Северин Мирославович продолжали идти по боковой улице, которая почти сразу сузилась. Дома внезапно стали одноэтажными и отгородились от тротуара заборами. Пропали фонари. Лишь вдали виднелись светлые точки окон пятиэтажек.

— Пришли, — вдруг сказал Василь Тарасович и уверенно нырнул в калитку.

За забором оказался сквер, заросший старыми деревьями. Среди них, окруженный клумбами с цветами, белел небольшой особнячок. Окна в правом крыле светились.

Василь Тарасович, не обращая внимания на парадный вход, свернул за угол и двинулся в обход здания. С тыльной стороны была еще одна дверь. Она располагалась ниже уровня земли, к ней вела грязная лестница с поломанными кирпичными ступенями, рядом валялись пустые ящики, но все это Козинца не смущало. Поморщившись от громкого скрипа петель, он распахнул дверь и, подождав, пока Сквиря переступит через порог, вошел следом.

Они очутились в пустом ярко освещенном коридоре, без табличек или указателей на стенах. Пришлось дергать запертые двери. Естественно, безрезультатно.

Василь Тарасович и капитан дошли до конца коридора, повернули в другой. И тут же нос к носу столкнулись с прыщавым подростком хулиганского вида.

— Где директор? — спросил лейтенант.

Парень покосился на милицейскую форму и попятился. Козинец поймал его за рукав слишком широкого свитера.

— Чего? — выкрикнул парень ломающимся голосом. Вид у него был одновременно виноватый и нахальный.

— Ничего, — отрезал лейтенант. — Директора ищем.

— Там, в авиамоделировании, — махнул рукой подросток. При этом из-под его свитера едва не выпал какой-то сверток. Юнец едва успел поддержать свою ношу локтем.

— Что это у тебя там? — повысил голос Василь Тарасович.

— Не ваше дело, — грубо ответил пойманный и попытался вырваться.

Козинец молча забрал сверток и отдал его Сквире. Северин Мирославович развернул газету и обнаружил внутри несколько бутербродов с колбасой и сыром.

— Где взял? — продолжал допрос Василь Тарасович.

— Это мое, — ответил парень вызывающим тоном.

— Хорошо, — покладисто согласился лейтенант. — Твое. Веди нас к директору.

Подросток опять дернулся, но, очевидно, безо всякой надежды на успех, скорее, для проформы.

— Веди, веди, — ухмыльнулся Василь Тарасович. — Слить все равно не получится.

Парень с независимым видом пошел по коридору.

На третьей двери слева висела табличка «Авиамоделирование». За ней оказалась просторная мастерская. Двое старшеклассников, весьма похожих на пойманного подростка и внешним видом, и манерой держаться, пытались что-то приделать к длинному крылу модели самолета. Чуть в стороне склонился над чертежной доской мужчина средних лет. В комнате остро пахло свежей стружкой и столярным клеем.

Капитан втянул воздух носом, осмотрелся. Сердце у него защемило. Вокруг, куда ни глянь, были фюзеляжи, стабилизаторы, интерцепторы, элероны... В детстве Сквиря страстно мечтал стать пилотом. Он запоем читал о самолетах, ходил в такой же кружок авиамоделирования, представлял себя в голубой форме за штурвалом «Ту-154»... Потом подошел к концу десятый класс, и на семейном совете он сам, без давления родителей, принял решение идти по стопам отца...

— Вы директор? — спросил Козинец, втаскивая за собой пойманного юнца.

Сквиря вздрогнул и вернулся в действительность.

— Я, — чертивший мужчина увидел подростка. — Ты что опять, Дима, натворил?

— А что я? — тут же взвился парень. — Что я? Это все они!

— Мы договаривались по телефону, — вмешался Сквиря. Он не хотел, чтобы разговор вел Козинец, еще ляпнет чего...

Директор со вздохом отложил в сторону карандаш.

— Сергей Остапович Гаврилишин, — представился он, пожимая протянутые руки.

— Мы тут нарвались... — Козинец покосился на пойманного и ехидно закончил: — ...На Диму. У него было вот что. — Он показал сверток.

— А, да, да, — закивал Гаврилишин. — Все в порядке. Это его.

Василь Тарасович отпустил руку паренька, и тот сразу же отступил на шаг, сердито сверкнув при этом глазами.

— Дима это из дому принес, — директор почему-то повернулся к двум другим подросткам, будто говорил это специально для них, — но я не разрешил тут никого угощать. Здесь не столовая.

Оба парня равнодушно кивнули.

Дима забрал у лейтенанта сверток, буркнул что-то и скрылся за дверью.

— Пойдем ко мне? — то ли предложил, то ли спросил директор.

— Да, давайте, — отозвался Сквиря.

Они прошли буквально несколько метров по коридору и остановились у двери без всякой вывески. Там находился обычный канцелярский кабинет со столом, шкафами, креслом для хозяина и стульями для посетителей.

— Вы по поводу смерти Ревы? — уточнил Гаврилишин. Мысли его явно витали где-то в другом месте — то ли вокруг старшекласников, трудившихся в мастерской, то ли около Димы и его свертка.

— Да, по поводу Ревы. Вы его хорошо знали?

— Еще бы! Я у него еще школьником в кружке занимался. Потом десять лет вместе здесь проработали. — Директор сел в свое кресло и махнул рукой на стулья. — Нашему Дому пионеров, можно сказать, повезло. Уважаемый человек, главный инженер завода, ветеран войны — и заядлый коллекционер! У него был настоящий педагогический талант...

Сквира опустил на стул напротив Гаврилишина. Козинец остался стоять.

— Орест Петрович у нас лет двадцать трудился... — Директор поднял голову и посмотрел на капитана немного растерянно: — Прошу прощения, но я должен был отпустить ребят еще полчаса назад...

— Постараемся вас не задерживать, — пообещал Сквира. — Я так понимаю, Рева у вас вел кружок нумизматов?

— Юных филателистов, — поправил Гаврилишин. — Его Орест Петрович сам же и создал. Он рассказывал, что сначала хотел сделать историко-нумизматическую секцию, но времена тогда, сами знаете, какие были, и ему разрешили только филателистов. Но в кружок все равно принимали всех, независимо от предмета коллекционирования. Рева еще иногда в нашем конференц-зале читал лекции по истории города...

— И что именно Орест Петрович делал в кружке?

— Много чего, — развел руками директор. — У нас есть учебно-воспитательный план. Можете ознакомиться, если хотите. В основном ребята обсуждали коллекции друг друга. Просматривали каталоги. Учились очищать загрязненные объекты. Готовили рефераты о редких марках и монетах. Было несколько часов о том, как отличить подделку...

За окном директорского кабинета шевелились в сумерках деревья. Там, за невысокой оградой Дома пионеров, тянулся огромный парк, темный и мрачный. Лишь где-то сбоку, за полосой деревьев, проглядывали желтые глаза домов.

— Когда вы видели Реву в последний раз? — спросил Сквира, отводя взгляд от окна.

— В четверг, — не раздумывая, ответил директор. — У него кружок каждый четверг с четырех до пяти. Орест Петрович немного задержался, минут на десять, что-то объяснял детям. Потом зашел ко мне, пожаловался на здоровье. Вот, собственно...

— Было что-то необычное в его поведении? — перебил Сквира. — Не рассказывал ничего странного? Может, о монете удивительной говорил?

— Нет, — Сергей Остапович недоуменно пожал плечами. — Обычная рутина. Начался новый учебный год. До сих пор идет запись в кружки... Все как всегда.

— А были у Рева конфликты с кем-нибудь?

— Да год только начался! Какие конфликты! Да и вряд ли наши рабочие неприятности можно назвать конфликтами. Эмоции — часть нашей работы. Та же рутина.

В комнате воцарилась тишина. Сквиря и лейтенант выжидающе смотрели на Гаврилишина.

— Весной вот некрасивая история с Рыбаченко произошла, — неуверенно сказал тот. — Гена когда-то нашим кружковцем был. Но продолжал заниматься коллекционированием и после окончания школы. Хороший был мальчик. Орест Петрович им очень гордился...

— Гена? — задумчиво повторил Сквиря и зачем-то оглянулся на Козинца. В списке Рева был какой-то Гена. Кажется, как раз Рыбаченко...

— Это не тот ли Гена, — тут же отозвался Василь Тарасович, — который на кирпичном заводе вкалывает? Ну, крез наш местный?

Крез? В смысле — богач? Опять Козинец о чем-то важном знает. Оказывается, тут не свидетелей нужно допрашивать, а члена собственной следственной группы...

— Он, Генка Рыбаченко, — кивнул Гаврилишин. — Рева его после армии к себе, на кирпичный завод, на работу устроил. Парень был в кружке у него с седьмого класса. Коллекционировал не марки, а как раз монеты, что для Ореста Петровича было как бальзам на душу. Дети редко занимаются нумизматикой. Гена вылавливал юбилейные рубли просто повсюду — в магазинах, у родителей, даже пару раз на улице выменял у прохожих. Рева брал его с собой на полевые раскопки. Он и сам-то этим занимался подпольно, без разрешения археологов, а уж водить с собой кружковцев и подавно не имел права. Но на детей раскопки производят просто ошеломляющее впечатление. Особенно, когда они находят монету или наконечник стрелы. Представляете их ощущения?

— И что же случилось?

— Обычная история — шмотки, водка, девицы. Шальные деньги. Надоело Гене коллекционирование. Весной чуть было совсем с Орестом Петровичем не разругался... — Гаврилишин вздохнул. — У нас был субботник, белили деревья. Мы в этом году опоздали, на деревьях уже листва была всюю, а мы только известку достали... Ближе к обеду пришел Гена. Отозвал Ореста Петровича в сторону. А от самого перегаром несло, как от пивной бочки. Шатался. Они внутрь зашли. Генка был с сумкой, и в ней что-то звякало, знаете, как бутылки звякают... Вернулся Рева сердитым и раздраженным. Он не говорил, но, похоже, Гена додумался предложить ему выпить...

— М-да, действительно, не очень приятная история, — согласился Сквиря.

— Это еще не все, — замахал на него Гаврилишин. — На следующий день Орест Петрович пошел в фотоателье. Ему понадобились снимки монет для каталога какой-то выставки. В ателье была большая очередь — канун Девятого мая. Пришлось ждать почти полчаса. И тут вдруг явился Гена. С той же сумкой в руках. И опять пьяный. С Орестом Петровичем не поздоровался. Мимо очереди направился к мастеру. — Сергей Остапович понизил голос и добавил: — У нас этот фотограф — довольно известная личность. К Оресту Петровичу хаживал в гости, картины всякие пишет, пытается из себя что-то строить, а сам

спекулянт спекулянтом. Таких еще поискать! Как его до сих пор не посадили, не понимаю. Он же возле каждого заезжего поляка крутится, как комар...

— Не Олег ли Квасюк? — внезапно догадался Сквиря, вспомнив список Ревы.

— Он, — удивился Гаврилишин. — А откуда вы...

— Что там про Гену? — перебил его Козинец.

— Ах да! — директор покосился на лейтенанта. — Орест Петрович ему замечание сделал. А тот ответил, что хватит, мол, детскими игрушками заниматься, монетками-шмонетками, пора бы на старости лет и повзрослеть. Отодвинул Реву, будто тот был какой-нибудь тумбой, и пошел к Квасюку. Орест Петрович за ним, а этот горе-фотограф вдруг заявляет, что Гена договорился по телефону, и ему, Реве, ветерану войны и труда, нужно выйти и подождать. Это при том, повторюсь, что сам Квасюк, в общем-то, с Ревой в приятельских отношениях был! Ну, Орест Петрович тогда испереживался, чуть в больницу не слег...

— А Гена?

— А что Гена? — развел руками Сергей Остапович. — Он же спился. Шляется по ресторанам и пивным, разъезжает с девицами на «Жигулях», транжирит не понятно откуда взятые деньги направо и налево. На работу почти перестал ходить. В общем, печальная история.

— А у него и «Жигули» есть?

— «Жигули» или «Москвич» — я в этом плохо разбираюсь...

— Ясно. Но отметить свою братиславскую награду в конце мая Рева все-таки пригласил и Рыбаченко, и Квасюка, правильно?

У директора Дома пионеров вновь удивленно расширились глаза.

— Ну да... — растерянно пробормотал он. — А откуда вы...

Капитан улыбнулся.

— Все правильно, — Гаврилишин взял себя в руки. — Фотограф чуть ли не на завтра ходил к Реве извиняться. Мол, трудный день и все такое... А с Геной они через несколько недель помирились. Думаю, приглашение Рыбаченко было всего лишь жестом — мол, прощаю, так и быть...

Взгляд директора вдруг замер, сфокусировавшись на чем-то позади Сквиря. Северин Мирославович инстинктивно обернулся и увидел, что Козинец снял с одной из полок деревянную модель биплана и теперь играет ею. Как раз в этот момент он совершал мертвую петлю, едва не задев колесами шасси люстру. Потом стремительно бросил модель вниз, пронес ее у самого пола, и начал тяжелый набор высоты, почти вертикально задрал нос самолета...

Тишина в комнате привлекла внимание Василя Тарасовича. Он резко выпрямился. Смутился, одернул китель. Кашлянул. Стал пристраивать модель обратно на полку.

— А с кем дружил Рева? — Сквиря снова повернулся к Гаврилишину, ловя себя на мысли, что и сам не отказался бы повозиться с моделью. Закрывшись в пустой комнате, конечно.

— Были несколько человек... Орест Петрович предпочитал общаться с людьми, которых интересует хоть что-то кроме работы и домашнего быта, — директор печально чему-то покивал. — Рева любил историю нашего города. Все мечтал собрать отдельную коллекцию монет, которые ходили здесь за то время, что существует Володимир. Рассказывал о городе очень интересно, я даже сказал бы, захватывающе... Ну а мы... Я вот стихи иногда сочиняю, — он смущенно улыбнулся. — Любительски, не для печати. Но все равно хочется с кем-то поделиться, а Орест Петрович был внимательным и благожелательным слушателем. — Гаврилишин закатил глаза и стал отрывисто выбрасывать слова, перейдя на русский язык:

— Туман и ночь. Холодная роса.

Река течет в долине.

Любовь моя, краса моя

И светлая богиня...

Что ж, по крайней мере, национализмом здесь не пахло. Подобные стихи могли, конечно, вызвать оживленную дискуссию, даже драку в определенных кругах, но вряд ли ставили под сомнение место Украины в дружной семье республик-сестер.

— Я, конечно, не специалист, но мне нравится, — одобрил Сквиря.

— Правда? — Гаврилишин вновь расплылся в улыбке. — Ну а остальные... Часнык из ПТУ — тоже большой любитель истории. В музее местном помогает. Мне как-то предлагал кружок астрономический создать — он ведь еще и астрономией увлекается. Но только как я официально пробью занятия с детьми после десяти вечера?

— Да уж, — хмыкнул Сквиря. — Астрономическая специфика...

— Ну да... Потом Квасюк, тот самый фотограф, про которого я рассказывал... Он рисует аляповатые натюрморты. Коллега Ореста Петровича по кирпичному заводу, Игнатенко, отлично играет на скрипке. В струнном квартете участвует...

— А какие у Ореста Петровича были взгляды? Вы обсуждали с ним политику?

Сергей Остапович рассмеялся.

— Вы не представляете себе, как далек он был от всякой политики. Нет, новости он, конечно, смотрел, но говорить о них ему было неинтересно... — он вздохнул. — Мы на веноч деньги выделили. Почетный караул думаем организовать...

— Ну, — капитан поднялся, — не будем вас больше задерживать. Если вспомните что-нибудь, звоните...

— Кстати, — вдруг вмешался Козинец. — Что там с вашим Димой? Сверток он все-таки свистнул?

— Нет, нет!.. — Гаврилишин замялся, будто речь зашла о чем-то неприличном. — Я иногда ему еду приношу. Он из неблагополучной семьи...